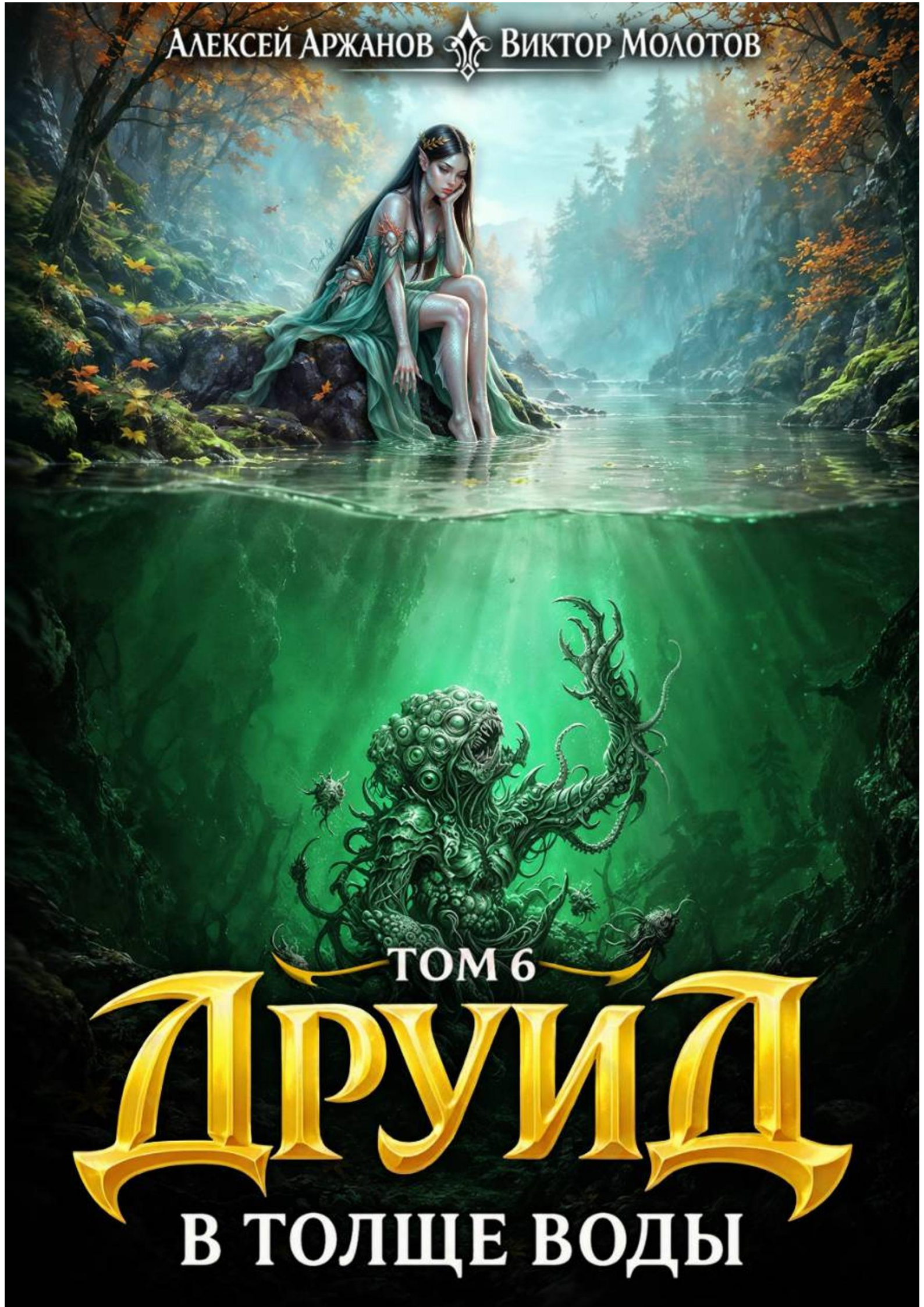

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ

ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 6

ДРУИД

В ТОЛЩЕ ВОДЫ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 7. В толще воды

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 7. В толще воды / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026 — (Дубровский)

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову. Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду. На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли. С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ. Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 7. В толще воды

Глава 1

До дальней купальни от жилого крыла было четверть часа быстрым шагом, и день выдался ясный, с высоким холодным небом. Вениамин порывался идти с нами, но у поворота тропы я остановил его движением руки.

– Всё, ты своё отработал, – сказал я. – Иди отдыхать. Ты ещё понадобишься мне свежим, а свидетелей там и без тебя хватает.

Он оглядывался, но спорить не решился.

У купальни стояли двое егерей, которых Кирсанов поставил сразу по прибытии. Тишь лежала поперёк порога тёмным кольцом.

– Побудь здесь, – попросил я Лизу. – Я войду один.

Она кивнула, и я оставил её у двери и вошёл.

Внутри было тепло, дневной свет падал из двух окошек под потолком, и над водой стоял пар. Гость лежал так, как его устроили: на спине, руки вытянуты вдоль тела, затылок на плоском камне у края. Вода доходила ему до груди.

Теперь я разглядел его без инея и без спешки. Мужчина на вид лет тридцати, худой, с ранней сединой в тёмных волосах, с лицом настолько обыкновенным, что через час его уже не вспомнишь. В любой конторе таких сидит по десятку за соседними столами, и никто не обернётся ни на одного.

Он лежал с открытыми глазами и не двигался. Дышал через раз, грудь поднималась еле заметно. Неопытный лекарь решил бы, что человека достал взгляд Тишь.

Я опустился на корточки рядом с купелью и первым делом прочёл его по-лекарски.

Жизненная сила в этом теле почти не расходовалась, и никаких признаков скорой смерти не было. Оно привыкло существовать в невероятно экономном режиме. За год такого не освоишь.

Второе моё наблюдение вышло заметно хуже первого. На нём не нашлось ни единого шрама, ни оспины, ни следа старого перелома. Тело без истории, чистое. У мужчин тридцати лет так не бывает.

Третье я почувствовал уже как хозяин ключа. Вода из купели уходила в него непрерывно. Пациенты берут мою воду каплями, по глотку силы за целое купание, и даже самым тяжёлым её хватает с избытком. Этот тянул руслом, и тёплый ключ отдавал в него, как в прорву. Пар над купелью не поднимался к потолку, а стелился к его лицу и оседал на коже мелкой росой. Вода тянулась к нему сама, и объяснения этому у меня пока не находилось.

Вывод из всего увиденного мне совершенно не нравился. Передо мной лежало тело, устроенное под единственное ремесло: отдавать жизнь и не умирать. Пленный подрядчик называл это станком, и мой осмотр его слова теперь подтверждал.

Заодно встало на место ещё одно из его показаний. Вернуть велено целой, и повторили это дважды. Тогда, в темнице, я решил, что речь о сохранности вещи, о том, чтобы не разбили при перевозке. Теперь формулировка читалась иначе: школа боялась даже не потерять его, школа боялась получить его повреждённым, потому что второго такого тела у них нет и взять его неоткуда.

– Откуда вы меня знаете? – спросил я первым делом.

– О вас разные слухи ходят, – хрипло ответил он, не повернув головы и не сместив взгляда. – Но узнал я о вас раньше слухов. В том месте, откуда меня похитили.

– Тогда следующий вопрос. Как зовут вас?

– Моё имя вам ничего не даст. Можете называть меня Владимиром.

Я отметил про себя, как это было сказано. Ни отчества, ни фамилии, ни секунды заминки перед ответом. Словно этот разговор был заранее отрепетирован.

– Что ж, посчитаем вместе. Ваша школа стоит без товара несколько лет, и все эти годы вы пролежали подо льдом. И как понимаю, первыми заморозили вас ваши же соратники, а только недавно Штерн похитил вас, точно вещь. Что обо мне можно было услышать до вашей заморозки? Хозяйство я принял меньше года назад, а до того не выезжал дальше Волгина и был интересен разве что кредиторам с моими карточными долгами. Ни санатория, ни источника в его нынешней силе тогда ещё не существовало. А вы ждали этого дня и давно хотели оказаться в этих местах. Объясните мне, как одно сходится с другим.

Он не ответил и на это, и взгляд его даже не дрогнул.

Про себя я прогнал варианты, и каждый следующий выходил хуже предыдущего. Первый: он слышал сквозь остановленное время, и тогда неизвестно, что ещё он услышал в подвале Часовщика. Второй: о Дубровских в его школе говорили задолго до меня, и тогда я въехал в чужую войну на правах наследника, не читая завещания. Третий вариант я додумывать не стал, потому что речь в нём шла уже про меня самого и про то, о чём в этом мире не знала ни одна живая душа.

На третьем варианте я себя оборвал и задал вопрос ребром.

– Вы принадлежите этой организации? Служите ей по своей воле? Даже несмотря на то, что они с вами сделали?

– Кого волнует человеческая воля? – В его голосе не прибавилось ни силы, ни выражения.

– Важен лишь исход бытия и то, кто в конце останется на вершине. И какие решения будут принимать эти люди, чтобы не угробить всех остальных.

– Это не ответ.

– Это ответ человека с высоты не одной сотни прожитых лет.

Я понял, что простым этот разговор не будет. За переговорным столом и таких встречал: собеседник отвечает не на заданный вопрос, а на свой собственный, и продолжает в том же духе, пока ты сам не начнёшь спрашивать то, что ему выгодно. Работает это ровно до тех пор, пока второй стороне некуда спешить. А вот мне спешить было ровным счётом некуда.

– Тогда новость с земли, с её малой высоты, – сказал я. – Йозеф фон Штерн мёртв. Рассыпался серым песком у меня на глазах, в собственном зале.

Ни одна черта на его лице не сдвинулась, и только пальцы правой руки, лежавшей в воде, медленно сошлись и разошлись, будто пересчитали между собой что-то своё.

– Я знаю, – ответил он.

– Откуда? Вы пролежали подо льдом до последней минуты его жизни.

– Оттуда же, откуда знаю вас.

Круг замкнулся, и замкнул его он сам, спокойно, одной фразой. Я убрал этот ответ туда же, где уже лежали три моих варианта, и решил про себя, что торопить эту загадку бессмысленно. Загадки такого сорта вскрываются, как долгие контракты: по одному пункту за встречу, и горе тому, кто подмахнёт всё сразу.

– Вы спасли меня, господин Дубровский, – продолжил он, не дожидаясь нового вопроса.

– А потому я поделюсь с вами частичкой знаний. Вода есть жизнь. Всегда была и всегда будет.

– Чем же она отличается от магии жизни? Той, что разлита в этом лесу?

– Магия жизни есть энергия. А сама жизнь берёт начало из воды. Там она зародилась, там она и образуется по сей день. Но не только там. Магия жизни имеет разные истоки, и владеть ею могут разные маги. Вопрос умений. Вопрос крови. Иногда даже вопрос души.

На последнем слове его взгляд впервые сдвинулся с потолка и упёрся мне в лицо.

Я выдержал.

Квартирант мой при всём этом разговоре молчал. В саратовском подвале он рвался к лежащему на камне так, что мою руку тащило по столешнице, а здесь, в двух шагах от цели, не подавал голоса вовсе, впервые за все месяцы. Из всего увиденного в купальне это понравилось мне меньше всего. То, что положило целую жизнь на поиски бессмертия, легло на дно и старалось, чтобы о нём забыли. Словно... испугалось.

– Будьте осторожны, господин Дубровский, – сказал Владимир, и взгляд его вернулся к потолку. – Потому что от вас не отстанут.

– Кто не отстанет? Сколько их и где они сидят?

– Этого я вам не скажу.

– Это всё, что вы можете сказать за своё спасение?

– Да.

– Этого мало. – Я поднялся с корточек. – Мы поговорим позже. Я найду способ вас разговаривать. А может быть, мы сможем найти общий язык.

Он на это уже ничего не ответил. Взгляд его остановился окончательно и подёрнулся стеклом, как у кукол из штерновского дома. Дыхание снова ушло на самое дно, и вода в купели застыла так неподвижно, будто в ней лежал камень.

Я задержался у двери, наблюдая. За минуту он моргнул один раз, медленно, и больше в нём не двинулось ничего. Разговор был окончен с его стороны так же ясно, как если бы он встал и вышел, и в этом умении заканчивать беседу без единого слова чувствовалась школа подороже любой купеческой.

Снаружи Лиза шагнула мне навстречу раньше, чем я прикрыл дверь.

– Ну что?

– Ничего конкретного. Философия, вода и одно предупреждение на прощание. – Я оглянулся на приоткрытую дверь и понизил голос. – Зато я узнал, чем он дышит. Твоей водой, Лиза. Он берёт её так, как не берёт ни один наш пациент, и ключ работает на него вторые сутки без передышки.

– Я заметила по температуре. – Она сложила лист с записями вчетверо и убрала за манжету. – И что мы с этим делаем?

– Пока наблюдаем. Кормить его надо?

– Я пробовала с вечера, ещё до того, как он заговорил. – Лиза качнула головой. – Бульон с ложки он не взял, губы не разомкнул, а вода в нём держится сама, и пульс от неё наполняется лучше, чем от любого бульона. Он ест твой ключ, Сева. Ложка ему без надобности.

– Тогда записывай и расход ключа тоже. Мне нужно знать, сколько он берёт за сутки и растёт ли это число. Если растёт, у нас с тобой появится срок, только я пока не знаю чего, – девушка кивнула, а я обернулся. – Кирсанов!

Тот вышел из-за угла купальни, где проверял своих, и по лицу его было видно, что половину разговора он слышал через стенку и ничуть этого не стыдится.

– Наблюдение за ним постоянное, – велел я. – Любое движение, любое слово: сразу докладывать мне, в любой час.

– Сделаем, Всеволод Сергеевич.

– И второе. – Я повернулся к Лизе. – Ты к нему одна не заходишь. Совсем.

– Сева, он ложку не удержит. Какая от него опасность?

– Без сил он лежит не первый год. И кому-то все эти годы было очень нужно держать его именно в таком виде, целым и беспомощным. Пока я не пойму, кому и зачем, правило простое: одна ты туда не входишь.

Лиза посмотрела на меня долгим взглядом, каким смотрят на упрямого пациента, и кивнула. Спорить она умела, а ещё лучше умела понимать, когда спор ничего не стоит.

К поместью я пошёл один, отослав обоих по своим делам.

Дорога вела мимо флигеля, где отлёживался после боя Данила, и через окно я разглядел у его кровати Фому с перевязанным предплечьем.

Холод над лесом стоял чистый, октябрьский, от которого дыхание становится видимым даже в полдень. По дороге я разобрал в голове бумаги на остаток дня.

Донесение блюстителю откладывать дальше было нельзя: теперь под него лёг саратовский протокол с благодарностью. Подавать следовало обе бумаги разом, нападение и Саратов одной связкой, чтобы у читающего сложилась готовая картина с началом и концом. Вопросы задают тому, чья история обрывается на середине, а законченные истории подшивают в дело и забывают.

Оставался у меня и долг поближе, прямо во флигеле. Магу смерти я обещал купель и честный ответ ещё до Саратова. Слово хозяина земли стоит дороже любых бумаг, и тянуть дальше было нельзя: ещё до темноты его поведут к малому ключу под конвоем, и Вениамин получит своё обещанное зрелище. Заплатил этот человек за мою науку честно, показаниями, и расчёт по сделке полагался ему сполна.

Думал я по дороге и о том, что война моя за минувшую неделю переменилась целиком. Ещё месяц назад я считал врагов поштучно: Часовщик со своим договором, Норов со своими покупками на аукционах. Теперь ростовщик рассыпался песком в собственном зале, а вместо него на моей земле лежала причина всей этой войны и пила мою воду. Школа придёт за ним.

На половине пути к дому я обернулся. Захотелось посмотреть на результат своих трудов. Посмотреть не только на проблемы, но и на что-то хорошее.

Санаторий выглядывал из-за осенних деревьев тёмными крышами корпусов, и по дорожкам между ними уже прогуливались первые пациенты. Я смотрел на него, и счёт в голове сложился сам собой. Меньше года я в этом теле, а дело стоит на ногах и работает.

Даже два дела. Поскольку торговля травами даёт ровный доход от сезона к сезону. Всё было бы совсем хорошо, если бы на эту землю не претендовала тайная школа, у которой я до сих пор не знаю ни имени, ни числа людей, ни адреса.

В сенях на плечо мне спрыгнули сверху, с вешалки, и вцепились в сукно всеми лапами разом.

– Ты что, гимнастику тренируешь? – не удержался я.

– Белка обязана быть гибкой для сбора орехов, – с достоинством отозвался Пушок у меня в голове. – Кстати, ты обещал запас на зиму.

– Я обещал за хорошее поведение.

– Так я хорошо себя вёл! Целую неделю! Ни разу не подслушивал, не таскал сушёные яблоки у Степана и даже к этой твоей ящерице не лез, хотя она первая начала на меня смотреть. Два кулька лесных и один грецкий, вот моя цена.

– Цена за что? С каких пор хорошее поведение оплачивается отдельно?

– С тех пор, как оно у меня появилось! – Пушок перебрался ближе к моему уху и понизил голос до заговорщицкого. – Ладно, слушай. Орехи не за поведение. Я, между прочим, нашёл один секрет Валерьяна.

А вот это уже звучало по-настоящему интересно.

– Сначала товар, потом оплата. Ты уж прости, но предоплата с тобой не работает со времён яйца.

– Одно единственное яйцо, и мне будут припоминать его до конца дней! – возмутился он на всю мою голову. – Между прочим, из него вылупилось прекрасное здоровое чудовище, так что по итогу я ещё и молодец!

– Пушок. Точно не врешь? Как этот секрет не всплыл при перестройке? – перевёл я тему в нужное русло.

– Так он его не в доме спрятал! – Пушок перебрался на другое плечо и завертел хвостом.

– В дупле дерева. Идём, покажу, тут рядом.

Двор стоял пустой, в тени у забора ещё держался иней, и из кухонной трубы поднимался дым: Степан готовил обед и, судя по запаху, с размахом. Пушок скакал впереди по хрусткой траве, оставляя цепочку мелких следов, и хвост его горел на осеннем солнце рыжим огнём.

Он привёл меня к старому дубу, к тому самому, с которым я здоровался в первый свой день на этих землях и под которым хоронил замученных духов из подвала. Дупло темнело в стволе невысоко, чуть выше моей головы. Я подобрался, подтянулся на нижнем суку и запустил руку внутрь.

Пальцы легли на дерево. Из дупла я достал шкатулку, очень старую, тёмную, с крышкой без единого узора, и лишь посередине крышки темнело глубоко врезанное клеймо. Символ семьи Дубровских, тот же, что на печатях и на воротах.

– Ну я же говорю! – торжествовал Пушок. – Только Валерьян мог оставить такое в дупле дуба. Больше никто бы не додумался!

Я спрыгнул на землю и повернул находку к свету.

Первое, что бросилось в глаза: дуб держал её по-хозяйски. Кора вокруг дупла выросла за годы валиком и шкатулку не выдавила, хотя живое дерево выталкивает из себя любую чужую вещь. Эту вещь оно приняло за свою собственную.

Второе я понял, когда попробовал открыть крышку. Замка на шкатулке не было, а крышка сидела намертво, будто её вырезали заодно с корпусом. И третье касалось уже меня самого: пальцы у меня стыли, и октябрь был здесь ни при чём.

Я осторожно качнул находку из стороны в сторону, прислушиваясь. Внутри не отозвалось ничем, ни стуком, ни шорохом, хотя по весу шкатулка была заметно тяжелее пустой. Либо содержимое было уложено так, что не сдвинешь, либо весило само дерево.

– А что внутри, ты знаешь? – спросил я Пушка.

– Откуда? – Он даже обиделся. – Я её первый раз вижу!

Деда поблизости не оказалось. Что ж, потом у него полюбопытствую.

Я примерился к крышке второй раз, уже с умом, через силу рода. Дуб под ладонью отозвался тёплой волной от корней до кроны. Шкатулка на то же тепло не отозвалась никак. Сила рода проходила сквозь неё, как свет проходит сквозь стекло, не зацепившись ни за что внутри, и по этому равнодушию я понял, что открывается она чем-то другим.

Позади, с санаторной тропы, меня окликнули по имени, и голос я узнал раньше, чем обернулся.

– Всеволод Сергеевич!

К дому бежал Кирсанов.

– Говори.

– Пропал! – Он остановился в трёх шагах и первый раз на моей памяти замялся, подбирая слово. – Пленник. Пропал.

– Как пропал? Он же без сил в купели лежал.

– А вот так, барон. – Кирсанов сглотнул. – Моя смена началась. Я глаз с него не сводил, как и приказано. Так вдруг вода вокруг него пошла рябью без всякого ветра, а потом его в ней просто не стало. Взял и растворился в ней!

Шкатулка в моей ладони сделалась вдруг очень тяжёлой.

Глава 2

До купальни я добежал быстро. Внутри всё оказалось ровно так, как доложил Кирсанов. Купель стояла полная, тёплая, и пар над ней поднимался к потолку ровным столбом. Вода была обычная, и лишь едва заметно от неё фонило магией.

Ни тела, ни мокрых отпечатков на камне. Человек, который час назад лежал здесь, исчез из запертой купальни на глазах у караула.

– Не мог же он просто раствориться, – прозвучал у меня в голове голос Пушка.

– Ещё как мог, – мысленно ответил я.

– Ну как такое возможно? Он же не кусок мыла!

– Судя по всему, мы имеем дело с магом воды. И с очень сильным.

– Так он даже ложку удержать не мог! – Пушок перескочил с моего плеча на бортик купели и заглянул в воду с таким видом, будто беглеца там просто плохо искали. – Его же на руках сюда несли!

– Тело его ложку удержать не могло, тут ты прав. Но наша купель быстро всё исправила. А что это так – он просто не показывал виду. Либо же физические силы не нужны для такого фокуса.

– То есть у нас по поместью теперь ходит вода, которая думает. – Пушок поёжился всем телом, от ушей до хвоста. – Знаешь, Дубровский, я как-то сразу расхотел пить из ручья.

Кирсанов стоял у двери и ждал, пока я закончу осмотр. Выправка у него оставалась уставной даже сейчас, только желваки на скулах выдавали, чего ему стоила эта пропажа на его собственной смене.

– Что думаете, Всеволод Сергеевич? – спросил он.

– Думаю, что растворился он в самом прямом смысле. И что искать его нет смысла.

– Как это нет смысла? – Кирсанов даже подался вперёд. – Прикажите, поднимем всех, прочешем берег, пруды, колодцы...

– Вода есть везде, Кирсанов. – Я присел у купели и провёл ладонью над самой поверхностью. – Даже человек по большей части состоит из воды.

Кирсанов поморщился так, будто я сказал ему что-то неприличное про его собственный организм.

– Не переживай, в тебе он сидеть не станет, ты ему без надобности. – Я поднялся. – А вот пройти он мог где угодно. Через самые мелкие щели в почве, вниз, к подземным водам. А там иди куда хочешь, подземные течения выведут его очень далеко отсюда. Хоть к Волге, хоть за неё.

Кирсанов помолчал, переваривая услышанное, и по лицу его было видно, что мир, в котором нельзя выставить караул против воды, нравится ему заметно меньше прежнего.

В дверях появилась Лиза с журналом наблюдений под мышкой, и по её лицу я понял, что новость она уже знает. К купели она подошла, посмотрела на пустую воду и раскрыла журнал на последней странице.

– Сева, взгляни. Я записывала расход ключа, как ты велел. – Палец её пошёл по столбику цифр снизу вверх. – Первые сутки он брал ровно. А со вчерашнего утра расход пошёл в рост, к вечеру почти вдвое. Я собиралась сказать тебе за завтраком.

– Он копил, – кивнул я. – Набирал воду в себя. Разговор со мной он вёл, а сам уже собирался в путь.

– Выходит, я кормила его в дорогу. – Лиза захлопнула журнал, и уголки губ у неё побелели. – Своими же руками, по твоему же приказу.

– Выходит, мы оба вели себя с ним как радушные хозяева. Не грызи себя, без воды он ушёл бы точно так же, только позже. Зато теперь у нас есть его расписание, и по нему видно, что решение он принял ещё вчера утром.

Лиза посмотрела на журнал у себя в руках так, будто впервые увидела в нём пользу, и спорить не стала.

Выходит, свою благодарность за спасение Владимир заплатил намёком. Вода есть жизнь, сказал он мне тогда со своим стеклянным спокойствием. Теперь этот урок читался просто: сила жизни есть не только в моём лесу. Она есть и в воде, и школа, имени которой я до сих пор не знаю, всю жизнь брала её именно оттуда. Брала она эту силу через него, через тело, устроенное под единственное ремесло.

А потом что-то пошло не так, и брать они больше не могут.

Версий того, что у них сломалось, выходило две. Первая: Владимир захотел выйти из дела, и его заморозили свои же, чтобы станок не ушёл с фабрики на своих ногах. Держали силой, вне времени, и доставали к работе. Вторая: с его способностями что-то случилось само, от возраста или от обстоятельств, о которых я не знаю. Мир вокруг магический, случиться в нём может всё что угодно.

Первая версия нравилась мне заметно больше второй. Она объясняла и «похитили» в его рассказе, и то, с каким спокойствием он произнёс «кого волнует человеческая воля».

Но одно я понимал точно, без всяких версий. Бежал Владимир в первую очередь от своей школы, где пролежал замороженным, и лишь во вторую от меня с моими вопросами. Он лучше всех на свете знает, что школа придёт сюда, и очень скоро.

А значит, готовиться к этому приходу надо уже сейчас.

Была в этом раскладе и ещё одна строка, самая неприятная. Что остаётся школе, потерявшей производство дважды за один месяц? Остаётся замена, о которой им уже докладывали. Друид с привкусом высшей магии, у которого время растёт само.

Оба следа этой истории вели ко мне, и по обоим уже шли.

– Позови ко мне старшего наёмников, – бросил я Кирсанову.

Тот кивнул и вышел, и по тому, как быстро он это сделал, я понял, что приказ готовиться к бою нравится ему куда больше приказа ловить воду решетом.

Через несколько минут от флигеля ко мне подошёл высокий мужчина. Левую руку его от локтя заменял артефактный протез тёмного металла, и работа была дорогая: пальцы двигались плавно, без рывков. Также я уже знал, что хоть глава наёмников и не маг, но эта особенность давала ему некоторые преимущества в бою.

Звали его Захаром, и это было всё, что он о себе сообщал. Фамилию свою старший из наёмников считал сведениями служебными, и я эту манеру уважал.

– Пройдёмся, – сказал я ему и повернул на тропинку, ведущую к соляной пещере.

До первого поворота мы шли молча, каждый думая о своём. Тропа здесь была выложена ещё Архипом, аккуратно, с дренажными канавками по краям, и Захар оглядывал её на ходу тем взглядом, каким военный человек оценивает чужие укрепления.

– Захар, не стану от тебя скрывать, – начал я. – Беда идёт на мои земли, большая.

– Понимаю, – кивнул он без всякого удивления. – Разборки среди дворян дело привычное. Земли в Российской империи хоть и много, да она ограничена. А человеческая натура так устроена, что хочет большего, и всегда ей будет мало.

– Здесь я с тобой полностью соглашусь. Только им мало даже не земли. Ты не представляешь, чего они хотят. Всего того, что в ней скрыто.

Захар пожал плечами, и протез повторил движение живого плеча с небольшим запозданием.

– Я уже понял, что у вас много тайн, Всеволод Сергеевич. Ещё в первые дни понял. Расстояние здесь ощущается по-разному: идёшь час, а по солнцу выходит четверть. Деревья

двигаются, я сам видел дважды и оба раза был трезв. Да и дышишь этим воздухом, будто лет на десять моложе становишься. – Он усмехнулся в усы. – Любой дворянин захочет получить такую землю. Вы, главное, сюда императора не пускайте. Он ведь тоже захочет.

Я усмехнулся в ответ, только весёлого в моей усмешке было мало. Если однажды эти земли захочет не тайная школа, а корона, противостоять ей будет задачей совсем другого порядка.

– Шутки шутками, а разговор у нас сейчас серьёзный. В ближайшее время на поместье будет нападение. Лес будет на моей стороне, ты его силу видел. Но мне нужны верные люди. Помню, что контракт у тебя с другим нанимателем скоро начнётся. Так вот, я его перекупаю. Целиком.

– Как у тебя всё просто, барин, – снова усмехнулся Захар.

Манера у него была такая, усмехаться через слово, и обольщаться на её счёт не стоило. За этой усмешкой сидел человек, который потерял руку, сохранил отряд и держал цены на наручи ниже рынка только тогда, когда сам этого хотел. Я подобных переговорщиков знал: усмешка у них вместо папки с документами, чтобы собеседник расслабился раньше времени.

– Просто у меня только цифры, – ответил я. – Жалованье против нынешнего контракта в полтора раза, довольствие моё, лечение в санатории для твоих людей без счёта. Срок до весны, дальше пересмотрим по обстановке. Всё остальное сложно, и ты это знаешь лучше меня.

– А спросить, с кем воевать придётся, мне позволено? – Захар глянул на меня искоса. – Или это тоже из ваших тайн?

– Спросить позволено, ответить пока могу немного. Противник умеет открывать проходы, ты видел раму с порталом. Бьют слаженно, ходят отрядами по двадцать человек, среди них маги. И люди это не местные, за ними стоит организация с деньгами, для которой сжечь состояние на одну дверь в порядке вещей.

– Значит, снова по-серьёзному. – Захар потёр подбородок живой рукой. – Что ж, хоть не скучно у вас, барин.

Захар остановился у входа в соляную пещеру, потрогал живой рукой белёсый налёт на камне и растёр его между пальцами.

– Останусь, – сказал он. – Только не из-за денег, барин, хотя от денег не откажусь, не подумай. Земли эти и мне помогли, и бойцам моим. Мы здесь всего ничего стоим, а здоровье у людей поправилось так, как не поправлялось за годы. У Прохора рука перестала сохнуть. Клим спит ночами, а он после Туркестана не спал вовсе нормально. В наших же интересах тут задержаться. Глядишь, ещё и помолодеем.

Он помолчал, глядя в тёмный зев пещеры, и добавил уже другим голосом, ровным и тихим.

– А там, может так выздоровлю, и потомством дело закончится. Я ведь давно смирился с тем, что детей у меня не будет. Лекаря в трёх губерниях руками разводили. А тут воздух ваш подышал, воды попил, и что-то во мне спорить начало с теми лекарями.

– Гарантировать не могу, – честно сказал я. – Но шанс есть. Эта земля возвращает отнятое, я такое видел уже не раз.

– Ну вот и проверим. – Усмешка вернулась на место. – Я тебе потом отпишу о результатах.

Мы ударили по рукам, живая ладонь у него оказалась твёрдой, как его протез, и двинулись обратно к поместью.

Дорогой я прикидывал, что у меня теперь есть. Землю мою держат духи по договорённости с Мохом. К ним добавились наёмники Захара, обстрелянные и на всё насмотревшиеся. Егеря мои с охотниками Виктора стоят третьей линией. Всё вместе это складывалось в силу приличную.

В прошлый раз мы дали отпор целому отряду с порталом ценой в целое состояние.

Посмотрим, что враг придумает в этот раз.

У крыльца меня ждал Виктор с готовым вопросом на лице, и я решил его раньше, чем вопрос прозвучал.

– Собери к вечеру егерей и охотников, посидим все вместе над картой. Захар остаётся со всеми своими людьми, встанете с ним по постам заново, теперь с расчётом на воду. Ручьи, пруд, берег у купален. Всё, где можно вынырнуть.

– Вынырнуть? – Виктор сдвинул брови, потом сообразил, о ком речь, и брови его поднялись обратно. – Понял. А пить-то нам что прикажете?

– Колодезную. И вели на кухне кипятить. – Я поднялся на крыльцо и добавил уже от двери: – Степану скажи, что это от осенней воды, для здоровья. Незачем пугать дом раньше времени.

Вернувшись в кабинет, я запер дверь и достал шкатулку.

Её крышка по-прежнему сидела намертво, будто вырезанная заодно с корпусом, и сила рода проходила сквозь дерево, не зацепившись ни за что. Сейчас я взялся за крышку без всякой надежды, просто чтобы проверить ещё раз перед тем, как убрать находку до лучших времён.

Крышка поддавалась от первого же движения моих пальцев. Словно была рассчитана на то, чтобы барин открыл её в полном одиночестве. Хотя ни силы я в неё не вливал, ни слов не говорил, ни крови не ронял. Я просто поднял крышку, и дерево послушалось меня.

Внутри, на тёмном бархате, истёртом до залысин, лежал листок. Деревянный, вырезанный из тонкой золотистой пластины так искусно, что видна была каждая прожилка. Формой он походил на дубовый, только вытянутый, и по краю шла резьба мельче макового зерна. Я осмотрел его лекарским зрением, потом потянулся силой рода, потом просто подержал на ладони, закрыв глаза.

Ответом мне было ровное и глухое ничего. Магии в листке не ощущалось вовсе. На ладони у меня лежала красивая деревянная вещица, и всё.

Но дед не стал бы прятать в дупле такое. И тем более молчать, а Валерьян за всю свою жизнь не забывал ничего.

– Валерьян, – позвал я вслух. – Разговор есть.

Кабинет ответил мне тишиной. Я подождал, позвал ещё раз, громче.

Но старик не показывался.

Я положил листок обратно на бархат, закрыл крышку и решил, что разберусь позже, когда призрак объявится сам. Валерьян исчезал и раньше, на день, на два, по своим призрачным делам, о которых не докладывал, и всякий раз возвращался с таким видом, будто отлучался на четверть часа.

Вечером того же дня мы засиделись над картой поместья до ночи. Виктор разложил её на столе в моём кабинете, и я первым делом взял синий карандаш и прошёлся им по всем водяным жилам своей земли. Ручьи, пруд, купальни, малый ключ, старица за дальним покосом. Когда я закончил, синего на карте оказалось столько, что Кирсанов крякнул.

– Это же не оборона выходит, Всеволод Сергеевич. Это решето какое-то!

– Верно. Поэтому охранять будем иначе. Против самой воды караул бесполезен, и я не хочу, чтобы люди таращились в пруд до рези в глазах и палили по каждой выдре. Если на воде что-то пойдёт не так, нам смогут доложить и духи.

Будут следить не только за землёй, но и за водой.

Неделя после этого вышла у меня плотная. Донесение блюстителю ушло в губернию вместе с саратовским протоколом одной связкой, как я и хотел. Маг смерти получил обещанную купель у малого ключа и мой честный ответ: годы, которые съело его ремесло, вода назад не вернёт, но боль из руки она вытянула уже за два купания, и спать он теперь мог спокойно.

На втором купании я стоял рядом, и наблюдение это окупилось сполна. Маг смерти сидел в воде по грудь, с наручами на запястьях, и вдруг замер, прислушиваясь к чему-то всем своим ремеслом.

– Барон, – сказал он негромко. – Вода у вас странная.

– Чем же?

– Перекошенная она. – Он повёл ладонью под поверхность, медленно. – Я мёртвое чую, работа такая. В любой воде мёртвое с живым в обнимку ходят: лист гниёт и малька кормит, мошка тонет и в ил уходит. А у вас мёртвое лежит нетронутое, будто его есть некому. Живое из этой воды выбрано до дна, и выбрано недавно. Так бывает, когда через воду прошёл кто-то очень голодный и подобрал всё до крошки.

За это наблюдение я продлил ему купания ещё на неделю, ведь энергетической составляющей его замечание не касалось. И мы оба сделали вид, что это входило в первоначальную сделку.

Наручи Захара разошлись по постам, а колодцы в поместье велел накрыть и запереть, объяснив это осенней листвой. Нет гарантии, что Владимир к своим не вернётся.

Данила к середине недели встал на ноги и запросился в строй, бледный ещё, но упрямый, и я разрешил ему полдня караула через день, под присмотром Фомы. Эти двое теперь ходили парой, переругивались вполголоса на каждом шагу и стояли друг за друга стеной.

Близнецы выросли в санаторную работу так, будто отработка шла у них не первый месяц: Варвара досидела две недели на записях Лизы, получила первые вольности и сияла, а Вениамин после купели мага смерти ходил задумчивый и завёл себе тетрадь, в которую записывал вопросы для меня. Вопросов там копилось на три моих бессонных ночи.

Один вопрос из этой тетради Вениамин всё-таки не удержал до вечера. Поймал меня во дворе, у коновязи, дождался, пока рядом никого не останется, и выпалил так, будто неделю репетировал.

– Барон, а почему вода его приняла? – Он мотнул головой в сторону малого ключа. – Она же у вас живая, я видел, как она с больными работает. А он маг смерти, в нём эта смерть по каналам разлита, я смотрел вашим способом, как вы учили. Живое должно было его вытолкнуть. А оно его лечит.

Вопрос был хороший, и отвечать на него в полный рост я не собирался.

– Вода не разбирает, кто прав, а кто виноват. Она разбирает, что сломано. В нём сломано тело, его она и чинит. А с ремеслом его пусть разбираются блюстители.

Вениамин покивал, записал что-то в тетрадь прямо на ходу, и по глазам его я видел, что ответ он принял к сведению, но в дело не поверил. Думал парень в опасную сторону, и за этим направлением теперь предстояло присматривать отдельно.

Настораживало меня в этой мирной неделе только одно, и заметил я это в четверг. Тишь среди недели перебралась ночевать к пруду, который появился у нас после последней перестройки санатория. Лежала она на берегу тёмным кольцом, головой к воде. Я спросил её через связь, что она сторожит, и получил в ответ образ ровной водной глади, под которой не было ничего. Пустота под водой тревожила мою змею сильнее любого зверя.

В ту же ночь я пришёл к пруду сам и сел на холодный берег рядом с ней. Тишь подвинулась, укладывая кольцо так, чтобы я оказался внутри, и мы вдвоём стали смотреть на чёрную воду. Я потянулся к лесу привычно, как тянулся сотни раз, и попросил показать мне пруд.

Лес отдал мне берега во всех подробностях, от корней ив, пьющих с кромки, до спящей в иле выдры. Каждая травинка на этих берегах была моей и отзывалась сразу. А там, где началась вода, образ обрывался. Для моего леса пруд был дырой в собственном теле, и дыра эта жила на моей земле всегда, просто раньше мне не приходило в голову в неё заглядывать.

Я просидел на берегу до третьих петухов, гоняя лес по всем водяным жилам, и везде получал одно и то же. Хозяин я был всему, что растёт и дышит. Тому же, что течёт, я приходился всего лишь соседом.

Обедали мы втроём, я, Лиза и Виктор, разложивший рядом с тарелкой ведомость по осенним походам за монстрами, потом он планировал сменить тактику за зиму и занять оборонительные позиции. Обычно этого хватало, по его словам, монстры зимой более медлительные становятся, далеко за аномалию не суются.

За окном столовой моросило, октябрь доедал последнюю сухую неделю, и Степан подавал на стол с особой торжественностью.

– Сегодня же должен быть рыбный четверг, – сказала Лиза, отодвигая от себя блюдо с кашей. – Степан, у нас в меню он стоит с лета. Рыбы нет, смотрю, уже вторую неделю. Пациентам на столе её тоже нет, а у меня трое на рыбной диете расписаны.

Степан, разливавший чай, тяжело вздохнул и поставил чайник на стол.

– Не привозят, сударыня. Я уж и в Васильевку посылал, и к волгинским торговцам. Деревенские мужики говорят, что страшно нынче на реку ходить.

Виктор оторвался от своей ведомости, и карандаш его замер над бумагой.

Я перестал есть. Ложка легла на скатерть сама собой, и я отставил чай, глядя на Степана. От нас, через подземные воды, которые выводят куда угодно, сбежал очень сильный водный маг.

Куда угодно означало в том числе и в реку, которая кормит рыбой всю нашу округу.

– Страшно им, – повторил я. – Почему это?

Степан развёл руками, и по лицу его было видно, что сам он мужицким байкам значения не придавал.

– Рассказывай подробнее, – велел я. – Всё, что говорят. Что именно теперь пугает деревенских мужиков?

Глава 3

Степан покосился на дверь, будто проверял, не слушает ли кто из коридора, и заговорил вполголоса.

– Сети режет, барин. Мужики ставят с вечера, а к утру достают располосованные, и не рыбой – она так не рвёт. Ровно ножом, только нож этот имеет пару: две прорехи рядом, потом ещё две. У Матвеевых челнок нашли под Старой мельницей, перевёрнутый, а вёсла целые, оба лежат рядышком на воде и не уплыли. Бабы у мостков след видели. По воде шёл, против течения, а ветра не было.

– Что ещё за след? – не понял я.

– А как от лодки, барин, только лодки никакой нет. Вода расходится, и всё тут, – Степан помялся. – И старуха Матвеевна своё твердит. Мол, омутники проснулись. Ей девяносто второй год, её саму этим словом в детстве пугали, чтоб к воде не лезла. В тихом омуте, говорит, они и живут, ждут своего часа. Я бы и внимания не обратил, да только после того, что с братьями Ключевыми стряслось...

– Погоди, Степан. И опять туда же! Почему ничего мне не рассказал сразу?

– Так вы заняты были, барин! Да и потом, брат воротился, горя не случилось, – растерялся Степан. – А я слухам тоже лишний раз не верю. Они порой такие – смех один да и только. Кто знает, на что у них там сеть напоролась.

– Рассказывай, что с братьями? – перебил его я.

– Ушли на ночную ловлю вдвоём, а вернулся один Никита. Второго, Егора, из воды вытащил еле живого. Наглотался тот, и поранило его. Лежит теперь дома, в себя не приходит третьи сутки. А Никита молчит. Здоровый мужик, борода лопатой, а сидит у братовой лавки и молчит.

Виктор оторвался от своих мыслей.

– А ведь рыбой у нас три деревни кормятся, – сказал он, глядя не на меня, а куда-то в свои подсчёты. – Зимой она треть стола занимает. Если река до ледостава так и простоит пустая, к весне будет голодно. А на голод из губернии приезжают уже не монстры, а комиссии.

– У меня трое на рыбной диете расписаны, – негромко добавила Лиза. – Заменить нечем, я уже смотрела.

Я отодвинул чай, потому что всё сходилось в одну сторону, которая мне не нравилась. Неделию назад из моей купальни через подземные воды ушёл маг, который пьёт живое как воду. А теперь на реке, куда те воды выводят, что-то режет сети и людей, а потом ещё не оставляет следов.

Совпадением всё это могло оказаться с тем же успехом, с каким пожар совпадает с поджигателем.

– Собирайтесь, – сказал я. – Едем сегодня. Виктор, Данила с Фомой, Тишь. И пошли за Захаром, пусть возьмёт двоих. Сначала Васильевка, потом река.

– А мне? – спросила Лиза.

– А тебе я привезу пациента. Судя по рассказу, помощь твоя точно понадобится.

В Васильевке я сразу обратил внимание на мостки. Пусто, никого нет.

Природа этого места работала не как в других городах или деревнях. Весной и в начале лета река подсыхала, а к осени разливалась во всю ширь. Поэтому при первом знакомстве с рекой я отмечал, что можно её пройти вброд. Потом река наполнялась, и сейчас я видел её в полную ширь.

А деревенские ещё и сказывали, что каждый год река себя по-разному ведёт. Я и сам заметил такую водную особенность, как и с лесом. Озёра на моих землях могли то появляться, то исчезать.

Лес договаривался с водой, и они вместе решали, где всплывёт новое пятно воды и когда уйдёт под землю. Но растений лес “на дне” не оставлял, а потому я и оставался слеп. Только если их остатки или водоросли искать. Или на худой конец с мавками договариваться. Но и это не даёт зрение, скорее возможность ощутить лишь частичку скрытого.

Сейчас же, несмотря на то, что день стоял ясный, самый рыбацкий, на берегу не было ни лодки, ни мальчишки с удочкой, и сети висели по заборам сухие. Деревня жила спиной к реке, и уже по одному этому было видно, до чего ей страшно.

Бабы говорили охотно и путано, перебивая друг друга. Мужики коротко и неохотно, глядя мимо. Слово “омутники” здесь произносили, не понижая голоса, буднично. Старуха Матвеевна, сухая и прямая, как жердь, изложила мне всё, что помнила с девичества. В омурах живут, наверх не ходят, берут только того, кто сам к ним свесится. Так было при её бабке и при бабке её бабки.

– А теперь, барин, они сами ходят, – закончила она и поджала губы. – Стало быть, кто-то их поднял. Сами бы не встали.

К Ключевым меня проводил староста.

Изба стояла справная, но в ней пахло болезнью. Егор лежал на лавке под тулупом, и я прочёл его по-лекарски раньше, чем присел рядом. Он был жив, лёгкие чистые, воду из него выгнали правильно, и рёбра остались целы. А вот дальше начиналось то, из-за чего мне пришлось осматривать его куда внимательнее.

Поперёк голени шли борозды. Парные, глубокие, уже затянувшиеся. Заживали они правильно, тело работало как надо. Но жизненная сила вокруг ран не собиралась, как собирается у всякого раненого, а стояла тихо. Это и раной не назовёшь. Как раз ощущение такое, будто оттуда пили.

Уж не Владимир ли постарался? Нет, как-то это странно. Сомневаюсь, что в первую очередь он бы взялся кидаться на здешних рыбаков. Так бы он себя выдал.

Егор в себя не приходит не из-за травмы, это уже очевидно. Голова была цела. Просто сознание куда-то ушло из-за встречи с тем, кто его поранил.

– Забираю его в санаторий, – сказал я старосте. – Сегодня же, на нашей повозке. Лечение за мой счёт.

У двери меня догнал его брат Никита. Третьи сутки он молчал, и я не стал его расспрашивать. Мы сели на крыльцо рядом, помолчали, и он заговорил сам, глядя на свои руки.

– Я думал, всё, потерял братку, – голос у него был хриплый. – Его без всплеска взяло, барин. Понимаете? Без всплеска. Сом бьёт, щука бьёт, любая тварь воду рвёт. А тут он сидел на корме и просто сполз за борт, будто его за ноги потянули. Я за ворот успел ухватить. Тяну, а оно оттуда тянет, и сила в нём ровная. И руку я видел, – Никита сжал кулаки. – По борту борозды остались, гляньте на челноке. Пальцы, барин. Как есть пальцы, только длинные и без ногтей. Не человечьи.

– Ты его вытянул, – сказал я. – Запомни из всей той ночи одно это. Вытянул. Остальное теперь моя забота.

Он немного успокоился.

– Матвеевна брешет или нет? – спросил он тихо. – Омутники?

– Вот это я и поеду проверять.

Про туман он вспомнил уже у повозки, когда Егора укладывали на солому. За два дня до той ночи река двое суток стояла в тумане. Белом, плотном, от берега до берега. В октябре, при ясном небе. Деды такого не помнили.

А вот я помнил, что неделю назад из моей купальни ушла вода, которая думает.

К реке мы уже вышли ниже деревни, у глинистого откоса, и Виктор взялся за дело раньше, чем я успел распорядиться.

Он снял сапоги, вошёл по колено и встал, закрыв глаза, а я смотрел, как под водой от его ступней расходится по дну медленная дрожь. Земля под рекой была прежней, и она отвечала его магии.

– Полоса тут, Всеволод, – сказал он через минуту. – По самому руслу идёт. Саженой двадцать шириной. Дно в ней мёртвое. Ил пустой, ракушка створками кверху, ни малька, ни жучка, ни пиявки. А по краям полосы всё живое, как положено. Будто в реке образовался фарватер.

– Куда идёт?

– Вверх, – он открыл глаза и посмотрел на меня. – Против течения. Кто ж по реке вверх ходит?

Тот, кому течение не указ. Тот, кто сам вода.

А вверх по течению, через три излучины, в реку впадал мой ручей. И все ручьи моей земли, если идти против воды, сходились в одно место – к сердцу, к Истоку. Владимир не блуждал.

Он шёл пить из того, что не кончается. Возможно, почувствовал, что на моих землях есть сильное место. Вот и ищет теперь.

– Тишь, – позвал я. – Посмотри воду.

Она лежала у моих ног тёмным кольцом и на зов не двинулась. Впервые за всё время. По связи пришёл образ, короткий и ясный. Тишь видит, а в глубине ничего нет. Однако это “ничего” на неё смотрит.

Я не стал настаивать. Василиск, способный окаменять взглядом, боялся глядеть в реку, и одно это говорило больше, чем весь осмотр Виктора.

Следы на откосе нашёл Захар.

Он присел у самой воды, тронул глину рукой и подозвал меня молча, кивком. По глине, от воды и обратно в воду, шли отпечатки. Ладонь как ладонь, пять пальцев, только длинных, без ногтевых лунок, и шаг между отпечатками был короткий, ползущий.

Цепочек таких по глине шло семь, разных, вразной, и свежие ложились поверх старых.

– Не одна тварь ходит, барин, – хмыкнул Захар. – Стая.

Мы продолжили путь. Теперь уже держались предельно осторожно. Я велел своим людям смотреть в оба.

Однако долго спокойствие не продлилось.

Фому твари взяли у мостков, первым из нас.

Он стоял крайним, спиной к воде, докладывал мне про челнок Клюевых, и вода за его спиной не шелохнулась, не пошла кругами, ничего. Просто из неё взметнулись руки и взяли его за пояс и за ворот, аккуратно.

– Фома! – крикнул я и рванулся вслед за ним.

Он успел вцепиться в сваю, а я в него. Тварь тянула из воды, как и говорил Никита Клюев, ровно и без рывков. Свая скрипела, и Фома молчал, экономя дыхание, только сапоги его уже были в воде по голенище.

Данила ударил первым, не дожидаясь команды. Белый огонь пришёл в воду у свай и тут же исчез. Зашипело, встал пар, и всё. Бить огнём в реку было всё равно что бить кулаком в перину, и один удар из дозволенных ему двух мы потратили впустую.

Пока что я не решался давать ему добро на дополнительные атаки, даже несмотря на то, что в поместье фон Штерна ему удалось ударить и в третий раз.

– Не жечь! – крикнул я. – Виктор, дно! Выкинь её на берег!

Захар уже был у свай. Протез его сомкнулся на запястье твари, и я впервые увидел, чтобы эта дорогая механика дала сбой. Пальцы протеза скользили. Тварь была гладкая, как обмылок, и чертовски сильная. Захара повело к краю мостков вместе с Фомой.

А потом Виктор ударил обеими руками у берега, и река у мостков вспучилась горбом, выплеснулась, и на глину вместе с волной вылетело то, что держало Фому. Существо не разжало рук даже в полёте, и Фома покатился по берегу вместе с ним.

Теперь мы увидели тварь целиком: длинная, с человека ростом, гладкая, без чешуи и без глаз. Голова была, а лица не было – ровное место. Руки человечьи по форме, с теми самыми длинными пальцами, и ими она держала Фому за ворот, а он бил её кулаком. Безуспешно.

– Не пускать её к воде! Держим! – это было единственное, что я понял про неё сразу, и понял по-лекарски. Из неё не текла кровь, из неё вообще ничего не текло, но там, где по ней прошёлся протез Захара, кожа уже подсыхала, серела и трескалась, как глина на солнце. Тварь была из воды, и воздух её убивал.

Дальше пошла трудная, но короткая работа. Виктор поднял между тварью и рекой земляной вал по поясу. Захар навалился, отдирая её пальцы от Фомы по одному. Я скомандовал, и Тишь, которая не пошла в воду, на суше сработала отлично, и золотые глаза её вцепились в безглазую голову. Не знаю, что она там нашла вместо взгляда, но тварь на полсекунды застыла, и этого замешательства хватило.

– Данила. Ещё раз! – велел я.

Он ударил в упор, коротко, и подсохшую тварь взял белый огонь. Но всё же она не сгорела. Высохла до конца, разом, съёжилась, как лист на углях, и осталась лежать на глине серой пустой шкурой.

Фома сидел у вала, держась за горло, и смотрел на эту шкуру.

– Второй раз за месяц, – просипел он. – То маг со спины, то это. Барин, я в караул у воды больше спиной к ней не встану, увольте.

– Никто не встанет, – сказал я.

Я присел над шкурой и прочёл её, сколько успел, пока она оседала. Крови нет. Костей, считай, нет, хрящ один. Внутри пусто и мокро. Тело, собранное из воды и совсем небольшой горсти живого, и горсть эта была чужая, краденая, я узнал её вкус. Так на моей земле пахли места, где прошёл Владимир. Уже успел выучить.

А потом я сделал то, что делать не хотел, и потянулся чутьём к реке.

Река молчала, но под её молчанием, в глубине, у самого дна стояли они. Я не мог их изучить, чутьё моё в чужой воде работало вполсилы, но их было много. Десятки. Они висели в тёмной пучине неподвижно, головами к берегу, и смотрели своими незрячими мордами. Всё это время, пока мы убивали их сородича, они наблюдали.

И не вмешались, но страха в них не было совсем. Было терпение, нечеловеческое. Им было велено ждать, или они сами решили ждать – теперь уже не важно.

Главное, мы теперь знаем, что деревенские сплетни оказались правдивыми.

– Уводи людей выше по берегу, – велел я Захару. – Всех. Мне нужно побыть у воды одному.

Оставшись один, я первым делом попробовал подойти к делу по-хозяйски.

Сел на корточки у кромки, положил ладонь на мокрую глину и потянулся к реке так, как тянусь к своему лесу. Лес на такое отзывается весь, от корней до вершин. Река не отозвалась никак. Она текла сквозь моё чутьё, и я для неё был обычным человеком на берегу.

Тогда перестал требовать и решил заплатить вперёд.

Я снял с пояса флягу, полную воды с малого ключа, открутил крышку и вылил всю, до капли, в реку. Молча. Не прося ничего, не приговаривая, не торгуясь. С Мохом это когда-то сработало, и всё время на этой земле я следовал одному правилу.

Сначала заплатить.

Живая вода ушла в тёмную без следа, и с минуту у берега не происходило ровным счётом ничего.

А потом у моих ног, в мелкой заводи между двух камней, вода перестала рябить. Разгляделась в зеркало, хотя река вокруг шла в прежнем темпе. Я наклонился и увидел в этом зеркале отражение.

Отражение было не моё, из воды на меня смотрело женское лицо. Молодая, кожа серая, как речная галька, и с чёрными волосами, которые расходились по зеркалу кругами мелкой ряби. Глядело на меня без приветливости.

– Тихая, – я назвал её имя, и наклонил голову. – Здравствуй, хозяйка.

– Откуда ты знаешь моё имя, береговой? – голос пришёл не из воды, а как у духов – сразу в голову, и был он ровный, без плеска. – Деревенские назвали, да? Болтливы. Даже о духах слухи распускают.

– Отнюдь, мне о тебе никто не рассказывал. Источники у меня иные, – произнёс я, но не стал упоминать о книгах Валерьяна, которые уже давно успел перечитать. – Слышал, наоборот, жители к тебе с уважением относятся. Пугает их кое-кто другой.

Рябь прошла по отражению и улеглась.

– Ты пролил в меня свою воду, сухой. Зачем? – спросила она. – Думаешь купить реку флягой?

– Думаю поздороваться. За флягу реку не покупают, цены мне известны. Я пришёл спросить.

– Спрашивать здесь могу только я, – в голосе не прибавилось ни силы, ни злости, и всё же он придавил, как давит толща воды на нырнувшего. – Ты стоишь на моём берегу. Твоя земля кончается там, где начинается мокрая глина.

Я не стал спорить. За переговорным столом таких тоже встречал. Собеседник ставит тебя на место не потому, что ты ему мешаешь, а потому, что место, на котором стоит он сам, шатается, и это единственный способ этого не показать.

И я присмотрелся к её отражению внимательнее.

Ветер прошёл над заводью, слабый, едва тронув воду. И лицо в отражении поплыло. Не исказилось, а именно поплыло, расплзлось по краям и собралось обратно с трудом, с запозданием, и на это у неё ушло куда больше времени, чем полагается воде.

Мох в худшие свои дни держал лосиное тело без единой дрожи. Миха вон целую колоду собой наполнял. А хозяйка реки не могла удержать даже собственную рябь.

– У тебя нет тела, – догадался я. – И не потому, что ты его не показываешь. Тебе не из чего его собрать. Чужак прошёл по твоему руслу и забрал живое до дна. Твоих мавок, твою рыбу, твой ил. И то, из чего ты складываешь себя, он забрал тоже.

Отражение застыло, и долго, на десять моих вдохов, в заводи не было ничего, кроме серого неподвижного лица, и я уже решил, что разговор окончен.

– Показывать себя сухому я и не собиралась, – проговорила она наконец, и в ровном голосе впервые прорезалось что-то живое, и это была злость. – Да. Он прошёл. Всё забрал! Ушёл вверх, против моего течения, и оно ему было не указ. Около недели назад. Это ты хотел спросить, береговой? Спросил. Теперь уводи своих людей с моей воды.

– Ещё не всё. Твари. Те, что режут сети и берут людей с лодок. Это его работа? Он их привёл?

И вот тут я увидел то, ради чего стоило ехать.

Отражение не ответило. Оно сжалось. По зеркалу от краёв к середине прошла мелкая, частая дрожь, какая идёт по воде перед грозой, и серое лицо на мгновение сделалось меньше, будто вода под ним схлынула.

Хозяйка реки боялась, но не меня.

– Ты их не знаешь, – сказал я за неё. – Ты хозяйка этого русла. И не знаешь, что живёт в твоих омутах?

– В моих омутах жило то, чему я хозяйка, – голос выровнялся, но давления в нём больше не было. – Спало на дне, где ему положено, сотни лет, при мне и до меня. Я держала его сон, и оно спало. А теперь моя вода пуста, держать нечем, и оно не спит. И имени ему нет, сухой. Ни в моей памяти, ни в памяти воды, что была до меня. То, что старше имени.

– Оно пришло с ним? Или оно лежало здесь всегда, а он его разбудил?

– Уводи. Своих. Людей, – каждое слово падало каплей воды. – С реки, с мостков, с мокрой глины. И сам уходи, береговой, и не лей больше в меня свою сладкую воду, мне от неё не легче. Скоро на этой воде будет плохо всем. И мокрым, и сухим.

– Тихая...

Заводь пошла обычной рябью. Зеркало рассыпалось, и из воды на меня посмотрело моё собственное лицо, усталое и злое.

Разговор был окончен.

Обратно ехали в сумерках, и всю дорогу я размышлял.

Союзника не приобрёл, зато получил гордую и напуганную соседку, которая знает больше, чем сказала, но на контакт со мной пока что не пойдёт.

Владимир шёл к Истоку, это подтвердилось, и это была самая плохая новость. А в омутах моей реки просыпалось то, чему нет имени в памяти воды.

Связаны ли эти две беды, я не знал. Версий выходило три, и все три упирались во Владимира.

Либо он привёл с собой свою армию.

Либо разбудил её, поглотив в реке всё живое, которым Тихая держала чужой сон.

Или же просто прошёл мимо спящего, и так совпало. В третью я не верил, потому что разучился верить в совпадения с тех пор, как принял это хозяйство.

Да и в прошлой жизни не верил.

Дома меня ждали доклады, и приказы на них я раздал быстро, по-вечернему.

Захару разрешил снять посты с берега. Караулить воду штыком бессмысленно, а людей у мостков после сегодняшнего я держать не собирался. Взамен велел отсыпать вдоль берега полосу сухого песка шириной в три шага и держать её сухой. Тварь боится просохнуть. Пусть у моей земли будет сухая граница.

Егора Клюева Лиза приняла ещё засветло и к ужину пришла с первым докладом. Раны чистые, тело справляется, а вот жизнь в нём стоит на самом дне и подниматься не спешит, и на купель он отзывается вполголоса слабее любого её пациента.

– Из него будто жизнь выпили, Сева, – сказала она тихо. – Я такое вижу впервые, но по всему выходит так. Пили и не допили.

– Записывай всё. Он у нас теперь не только пациент, но и единственный, кто побывал у тех существ в руках и остался жив.

Ярина явилась без зова, в сумерках, как умела только она, и выслушала про Тихую молча, глядя в огонь лампы.

– Зря ты лил в неё ключ, – сказала она, когда я закончил. – Реке нельзя платить, Дубровский. Лес помнит добро, зверь помнит, даже камень по-своему помнит. Вода не помнит ничего. У воды вместо памяти русло, и потечёт она туда, куда оно ведёт, а не туда, куда ты ей заплатил. Запомни это до того дня, когда она попросит у тебя больше.

– Она не просила. Гнала меня с берега.

– Сегодня гнала, – Ярина поднялась. – А завтра у неё не станет сил гнать, и она вспомнит, что у берегового есть сладкая вода. Вот тогда и посмотрим, кто из нас был прав.

Уже в ночи, обходя дом, я заглянул на пост у конюшен. Данила стоял в карауле, бледный ещё, и Фома был рядом, хотя смена его кончилась час назад. Они вполголоса переругивались о

чём-то своим, но оба находились лицом к пруду, плечом к плечу, и между ними и водой лежала свежая полоса сухого песка.

А Тиши на пруду больше не было.

Я нашёл её по связи и не сразу поверил. Моя змея ушла с пруда и легла в трёх верстах, у ручья. У того самого, в который, по словам Виктора, сворачивала мёртвая полоса, и лежала она поперёк устья, головой против течения, туда, куда ушёл Владимир и куда вели все ручьи моей земли.

Змея выбрала себе пост сама, и место это находилось ровно на дороге к Истоку.

В кабинете я запер дверь, зажёл лампу и достал из ящика шкатулку с золотым листком, чтобы убрать её в потайное отделение до возвращения Валерьяна.

И замер.

Листок лежал на своём прежнем месте. Почти такой же, каким был вчера.

Но я заметил важное отличие. Он был влажный.

По всей резной поверхности сидела мелкая водяная роса, и одна капля, самая крупная, медленно сползла по прожилке и ушла в бархат.

Вещь, в которой не было ни капли магии, пролежала весь день в запертой шкатулке, в сухом кабинете, за две версты от реки.

И покрылась росой, как трава на рассвете.

Глава 4

Спать я в ту ночь так и не лёг. Шкатулка стояла на середине стола, крышка её была откинута, и листок лежал на бархате в круге света от лампы. Роса на нём успела собраться заново, пока я ходил за инструментом, и самая крупная капля уже висела на нижней прожилке, готовая сорваться.

В прошлой жизни у меня было железное правило для любой непонятной ситуации: прежде чем строить гипотезы, разложи задачу на переменные и проверь каждую по отдельности. Правило это спасало меня на переговорах, в судах и однажды на таможне, и я не видел причин, по которым оно должно было отказать в кабинете с волшебным листком.

Переменная первая: вода могла скопиться на предмете из воздуха, как конденсат.

Я вынул из ящика стопку чистой писчей бумаги, отделил один лист и положил его на стол рядом со шкатулкой. Затем перенёс листок из шкатулки на бумагу, черенком к себе, и засёк время по каминным часам.

Через четверть часа на бумаге проступили два тёмных пятна, оба под резной пластиной, и края их продолжали расплзаться у меня на глазах. Воздух в кабинете стоял сухой, печь топили с вечера, и стекло лампы оставалось чистым без единой мутной плёнки. Влага шла из самой вещи, и первая переменная отпала.

Вторая выглядела серьезнее: предмет мог отдавать воду, которую набрал раньше.

Я промокнул листок полотняной тряпицей насухо, до последней прожилки, и отнёс его на аптечные весы, которые использовал, когда отмерял травы на продажу. Гирьки у меня были выверенные, и я записал вес в столбик на том же подмоченном листе бумаги.

Затем сел в кресло и стал ждать.

Ожидание я скоротал тем, что позвал деда.

Сначала окликнул его по имени, как и всегда, когда мне требовались его желчь и память. Кабинет ответил лишь потрескиванием углей в печи.

Тогда я позвал его так, как учил он сам – через родовую кровь, мысленно обращаясь к духу. На такой зов Валерьян являлся из любого угла имения, ворча и путаясь в призрачной бороде.

Половицы в коридоре скрипнули разок и снова умолкли.

– Дед, – сказал я вслух в пустой кабинет. – Ты выбрал самое подходящее время для обид. Или же с тобой что-то случилось?

Никто мне не ответил, и тогда я откинулся в кресле и прислушался к другому своему постояльцу, к тому, кто жил глубже и о ком дед высказывался неизменно скверно. Вельский молчал.

Часы отбили два пополуночи, и я вернулся к весам.

Листок снова покрылся росой. Мелкие капли облепили всю резную поверхность, от черенка до кончика – ровно такие же, какими застал их в первый раз. Я перенёс его на чашу весов, уравновесил и сверил со столбиком.

Вес сошёлся в точности, до последней доли золотника.

Я записал цифру второй раз, ниже первой, и долго смотрел на две одинаковые строки. Предмет отдавал воду, но его вес оставался прежним. Коряга, отдав влагу, становится легче, и мокрое сукно становится легче, и любая вещь этого мира, расставаясь с водой, платит за это весом.

Мой же листок платить за воду не желал совсем.

– Ты не мокнешь, – сказал я ему. – Ты истекаешь.

Родник тоже отдаёт воду и не мелеет, потому что вода идёт сквозь него из глубины. Только у родника есть жила, которая его питает, а у деревянной пластины в запертой шкатулке, в сухом кабинете, за две версты от ближайшей воды никакой жилы быть не могло.

На полке у окна завозились, и по столу пробежала знакомая тень.

– Эй, третий час ночи, – Пушок уселся на край столешницы и укрыл лапы хвостом. – Приличные люди спят. Неприличные тоже спят. Бодрствуешь только ты и твой гербарий.

– Взгляни, – предложил я и подвинул к нему бумагу со столбиком цифр.

– Восхитительно. Две одинаковые цифры. Ради этого стоило будить белку?

– Ты сам проснулся.

Пушок перегнулся через чашу весов и обнюхал листок, не касаясь его. Усы его взъерошились, и он отступил на шаг, что для наглого предшественника было поступком почти неслыханным.

– Убери это от меня, и я, пожалуй, соглашусь, что ночь ты потратил с пользой.

Убирать шкатулку подальше я пока что не стал. Вместо этого взял листок за черенок и медленно повернул его в свете лампы, следя за самой крупной каплей. Она поползла по прожилке, добралась до развилки и свернула к черенку. Я повернул листок кончиком вниз, и капля, которой полагалось теперь скатиться к кончику, помедлила, качнулась и двинулась вверх по прожилке против всякого тяготения, всё к тому же черенку.

Я проделал это ещё четырежды во всех положениях, какие смог придумать. Капли всякий раз собирались у черенка, куда бы ни поворачивал пластину, и с черенка уходили в бархат, если я возвращал листок в шкатулку.

Вода в мёртвой вещи знала своё направление.

Но поможет ли мне это как-то решить загадку? Тот ещё вопрос.

Я положил листок на бархат, закрыл крышку и убрал шкатулку в потайное отделение стола.

– Разумно, – одобрил Пушок, провожая шкатулку взглядом. – А теперь иди спать. У тебя глаза как у Валерьяна, только тот хоть покойник, ему положено.

– Дед не отзывается до сих пор, – я перевёл взгляд к окну. Там ничего не менялось.

– Знаю. Я его тоже искал. По всем углам, по всем его любимым местам, даже в винном погребе, где он любит вздохнуть над пустыми бочками. Его нет в доме, точно тебе говорю.

На этом ночь для меня закончилась, потому что заснуть после всех этих открытий я уже не пытался. Провёл оставшееся время за чтением, благо библиотека у деда хранила ещё много книжных тайн.

За окнами едва посерело, когда я вышел из дома и зашагал к лесу.

Шёл я один. После разговора с Тихой мне меньше всего хотелось приводить к воде людей с железом. Духи и в спокойные времена не жаловали ни стали, ни пороха, а у воды сейчас всё было иначе — спокойствием там и не пахло

К тому же это не мои лесные духи, которые покорно подчиняются. У воды есть своя воля.

Широкий ручей у излучины встретил меня высокой водой. За осень он раздался едва ли не вдвое против летнего, подтопил корни ближних ив и завёл себе у дальнего берега настоящую заводь, тихую и тёмную. Вода на моих землях жила по своему порядку, и осенью порядок этот всегда шёл в её пользу.

Мавки жили здесь всегда, сколько я себя помнил хозяином. Они выходили на общий совет вместе с лесавками и лешими, кружили над этой водой в ночи во время важных решений и держались при мне без страха.

Расчёт мой строился на одной строке из трактатов Валерьяна, которую я вычитал ещё в первую свою зиму. Дед писал, что у духов одного корня память бывает общей, как общими бывают у деревьев рощи подземные воды. Лесавка с восточной опушки знает, что стряслось у лесавок на западной, раньше любого гонца. Если это верно для лесного народа, то могло

оказаться верным и для водяного, и тогда мои мавки слышали своих речных сестёр до самого конца.

Я опустил на корточки у кромки, опустил ладонь в воду и позвал. Они поднялись почти сразу.

Встали у дальнего берега, под сенью подтопленных ив, и остались там, в тени, серыми размытыми пятнами под самой поверхностью. Ни одна из них не подошла к моей руке.

– Я не с бедой, – сказал вслух и через землю одновременно. – А с вопросом. Ваши сёстры на реке. Те, что жили в большом русле за деревней. Вы слышали их?

Дрожь в воде под ладонью заметно усилилась. Стайка у дальнего берега сжалась плотнее, и по заводи ко мне пошла рябь, мелкая и частая, какой ветер не делает.

А потом вода всё же ответила мне.

Ответ пришёл без слов, потому что слов у мавок отродясь не водилось. Вода под моей ладонью показала образ рваными обрывками.

Я увидел большое русло сверху, изнутри толщи, глазами тех, кто в этой толще жил. Длинные пальцы без ногтей входили в ил дна, вынимали оттуда серебристое и живое и подносили к тому месту, где у взявшего полагалось быть лицу. Взятое серебристое тускло на весу, истончалось и оседало вниз уже пустой оболочкой.

Картинка размылась по краям, и ручей показал мне другую.

Берег в тумане, глинистый и высокий, и на берегу стоит силуэт. Большой, выше человека, серый, и там, где у всякого стоящего есть лицо, у этого не было ничего, одна гладкая муть. Силуэт шагнул с берега в воду, и я ждал всплеска, но его не случилось. Ноги его растворялись во тьме, потом пояс, потом плечи, и последней растаяла гладкая муть на месте лица. Река приняла его целиком и даже кругов не пустила.

На этом месте показ оборвался.

Стайка у дальнего берега разбежалась в стороны и ушла на глубину вся разом, заводь опустела у меня на глазах. Я звал снова, обещал защиту и тепло, но зов мой бился уже в пустую гладь.

Я поднялся с корточек и долго стоял над водой.

Мой водяной народец шарахнулся от видений. Они видели, как гибнет их род, вычерпанный со дна собственного дома, и видели того, кто умеет становиться водой. Свидетели с реки донесли эту память сюда.

Владимир растворялся в воде у меня на глазах, в собственной моей купальне, и делал это в точности так, как делал силуэт на глинистом берегу. Только пожирающая духов тварь тоже была без лица, и на его месте у неё было такое же ровное гладкое место.

Обратной дорогой я сделал крюк в три версты и вышел к ручью. Тишь лежала на прежнем месте, головой против воды. За ночь она не сдвинулась ни на пядь. Мою змею окатывало осенним холодом, от которого всякая её сестрица давно ушла бы под камни до весны, а она лежала, приподняв голову над струёй, и золотые полосы на её боках пульсировали медленно и ровно.

Я присел рядом и положил руку на прохладную чешую. Тишь повела головой и посмотрела на меня своими немигающими глазами.

К обеду я вернулся в имение, оставив василиска, а после в моём кабинете собрались несколько человек.

Виктор сел у окна, по своей всегдашней привычке держать в поле зрения двор. Кстати, брат его сейчас находился на бывших Тумалинских землях, чтобы хоть кто-то там за деревнями и хозяйством присматривал.

Слава занял стул у двери и первым делом покосился на графин с водой на столе, и по этому взгляду я понял, что слухи о реке дошли и до него в подробностях.

Ходить кругами я в этот раз не стал.

– Завтра на рассвете я иду к Истоку, – сказал я. – Виктор и Слава, вы идёте со мной.

Какое-то время в кабинете было слышно только потрескивание печи.

– Вы двое дорогу знаете. Оба ходили, оба видели Исток и подходы. Мне нужны глаза, которым не надо объяснять, где там что стоит, и руки, которые не начнут палить в каждую лужу. Всё остальное придётся решать магией. Моей.

– А ты знаешь как? – спросил Виктор. Он всегда первым спрашивал о главном.

Я мог соврать, и с любым другим составом, пожалуй, так бы и сделал. Этим двоим врать было без толку, они оба видели меня в делах, где враньё стоит жизни.

– Нет, – сказал я. – Пока не знаю. Но знаю, чем это брать нельзя, и список этот длинный. Огнём воду не возьмёшь, деревом не возьмёшь, земля её только запрудит. Тварь боится просохнуть, это мы выяснили, и это единственная её слабость, которая нам известна. Остальное придётся понимать на месте.

Виктор кивнул. Слава выслушал всё это и поскрёб бороду. А затем сказал:

– Мне, барин, из всех твоих слов одно понравилось: что тварь сохнет. Сухость я обеспечить сумею. Возьму соли мешок, песку сухого в торбах, бересты для огня. И фляги. Пить из ручьёв по дороге, я так понимаю, нам теперь не резон.

– Правильно понимаешь. Воду берём отсюда, из колодца. К ручьям ближе трёх шагов не подходить, на камни через воду не прыгать, руки в струю не совать, хоть бы там золото лежало. Тишь стоит на ручье в трёх верстах к северу, мимо неё пойдём, она наша первая застава.

– А если оно уже там? – тихо спросил Слава. – У ущелья.

– Тогда тем более идти надо быстро.

Мы склонились над картой втроём, и следующие полчаса ушли на планирование маршрута. Виктор вёл пальцем по старой дороге, через малинник и вдоль сухого русла, на котором палец его остановился.

– Вот здесь думать надо, – сказал Виктор. – Русло сухое, да. Летом было сухое. А по такой осени, сам говоришь, вода у тебя гуляет где хочет. Придём – а там поток.

– Тогда обойдём поверху, через ельник, но потеряем час. Закладывай это время сразу, – поддержал его Слава.

– И выходим утром затемно, к ущелью дойдём к полудню, а если лес подсобит – и раньше.

– Подсобит, – сказал я. – Уж это я ему объясню.

В эту минуту в дверь кабинета постучали.

– Войдите.

Лиза вошла и остановилась у самого порога. Поверх платья на ней был рабочий передник с пятнами от отваров, из чего следовало, что шла она сюда напрямик из лечебницы, не заходя к себе. Взгляд её obeжал собравшихся и вернулся ко мне.

– Всеволод, мне нужно переговорить с тобой минуты две. Наедине.

Охотники вышли. Дверь закрылась, мы остались вдвоём, и только тогда я разглядел её лицо как следует.

Держалась она ровно, руки её были спокойны. Выдавала её одна морщинка поперёк лба, которая появлялась только перед самыми тяжёлыми пациентами.

– Говори.

– Воды перестали работать, Сева.

Она произнесла это тихо и очень отчётливо, точно диагноз.

– Сегодня я прогнала замеры по всем купелям. По полной методике, как мы с тобой заводили с самого начала. Пульс, дыхание, тонус, отклик на пробу до погружения и после. Восемь пациентов, все разные, от лёгких до тяжёлых. У всех восьми одно и то же. Что до купели, что после купели – никакой разницы. Вода их греет, моет и больше ничего не делает.

Я стоял и слушал, и внутри у меня с сухим щелчком становились на место части, которые сам же и продумал ещё летом.

– Егор Клюев, – сказал я.

– Да, – она сжала губы, и морщинка на лбу стала глубже. – Он отзывался на купель вполнину слабее любого моего пациента, и я списала это на его состояние. Из него пили жизнь, я решила, что дело в нём, что взять воде не за что. А дело было в самой воде. И я потеряла сутки.

– По одному больному такой вывод не делается, ты сама меня этому учила.

Я отошёл к окну, чтобы собраться с мыслями. Цепочку эту я выстроил ещё месяц назад, вслух, при Лизе. Все источники моей земли связаны в одну сеть, вода в ключах разбавленная, в самом сердце крепкая, и сердце питает жилы, как и положено сердцу. Если в жилах пусто, причина не в них.

– Купели питаются от ручьёв и малых ключей, – сказал я, не оборачиваясь. – В них попадает разбавленная вода Истока. По крайней мере попадала. Значит, у нашего Истока уже завелась пиявка, и пьёт она из самого сердца. Так что до нас ничего не доходит.

Лиза молчала. Хотя мне показалось, что это ей дорогого стоило.

– Слушай внимательно, времени мало. Выход переносится. Мы уходим сегодня, до темноты, втроём, Виктор и Слава со мной. Пациентов с этого часа в купели не сажать, объявишь профилактику, чистку, что угодно. Вода им больше не помощник. Тяжёлых она вдобавок обманет, они станут ждать облегчения, которого не будет. Переводи всех на отвары и на свои руки. Варваре скажешь усилить сборы, Вениамину дашь тяжёлых. Справишься?

– Справлюсь, – сказала она сразу. Потом девушка всё же шагнула ко мне, и голос её стал тише. – Прежде чем ты уйдёшь, я должна сказать кое-что ещё. Личное. Я долго выбирала время, и удобного, как выяснилось, так и не представилось.

– Говори.